

Грејс, Розе и Саулу

Daniel Susskind

GROWTH

A RECKONING

ALLEN LANE

an imprint of

PENGUIN BOOKS

Дэниел Сасскинд

ПАРАДОКСЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА

МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ
И ВЫЖИВАНИЕМ

Перевод с английского

Москва
2026

УДК 330.35
ББК 65.02
С20

В книге упоминается социальная сеть Facebook — продукт компании Meta Platforms Inc., деятельность которой (в т. ч. по реализации указанной соцсети) на территории Российской Федерации запрещена как экстремистская.

Перевод с английского Марии Приморской

С20 Сасскинд Д.
Парадоксы экономического роста: Между прогрессом и выживанием / Дэниел Сасскинд. — М.: Нова Криэйтив Груп, 2026. — 272 с.

ISBN 978-5-908058-45-2

Дэниел Сасскинд — британский экономист, научный сотрудник Оксфордского университета и автор международных бестселлеров о технологиях, труде и будущем экономики.

Экономический рост подарил человечеству небывалое материальное процветание. Но это достижение принесло разрушительные последствия, масштаб которых мы не до конца осознаем. Планетарная катастрофа, климатический кризис, увеличивающееся неравенство между богатыми и бедными, распад местных культур и различных сообществ, повторяющиеся социальные и политические конфликты.

Каким же образом стремление к благополучию породило столь разные проблемы? И что делать с «дилеммой роста»: умышленно обратить мировую экономику вспять? Просто замедлить темпы развития? Или существуют другие пути, позволяющие сохранить преимущества прогресса, не жертвуя будущим общества и планеты?

Анализируя историю экономики и пошагово разбирая то, откуда взялись идея ВВП и гонка за ростом, Дэниел Сасскинд выявляет плюсы и минусы известных нам экономических моделей, обличает главные вызовы XXI века и предлагает новый взгляд, как человечеству удержать баланс между процветанием, справедливостью и безопасностью.

УДК 330.35
ББК 65.02

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-908058-45-2 (рус.)
ISBN 978-0674303577 (англ.)

© Daniel Susskind 2024
© Нова Криэйтив Груп, издание на русском языке,
перевод, оформление, 2026

Жизнь может быть и прекрасной, и ужасной,
но со временем у нас появится больше возможностей
сделать ее по-настоящему хорошей. Возможно,
история человечества только начинается, и тогда стоит
ожидать, что люди будущего, или сверхлюди, смогут
достичь таких высот, которые сегодня нам трудно даже
представить. Как говорил Ницше, никогда еще не было
такого нового рассвета, такого ясного горизонта и такого
открытого моря.

Дерек Парфит

Содержание

Введение	9
----------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Ловушка	17
2. Побег	33

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

3. Приоритет	57
4. Обещание	73
5. Цена	89

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

6. Минимализм ВВП	113
7. Дегроус. Отказ от роста	132

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

8. Освобождение роста	151
9. Новое направление	177

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

10. Большие компромиссы	193
11. Моральные вопросы	210

Заключение	224
------------------	-----

Благодарности	229
---------------------	-----

Примечания	230
------------------	-----

Введение

Способность привыкать к своему окружению — отличительная черта человечества.

Джон Мейнард Кейн¹

Три простых, но поразительных факта определяли экономическую историю человечества до наших дней. Первый: на протяжении 300 000 лет — почти все время существования человеческого рода — экономическая жизнь фактически оставалась неизменной. Охотник-собиратель каменного века и батрак XVIII века жили примерно одинаково: в нищете и постоянной борьбе за выживание².

Второй: эта стагнация закончилась совсем недавно. Современный экономический рост начался лишь около 200 лет назад и запустил стремительное развитие уровня жизни в некоторых регионах. Если представить всю историю человечества как один час, этот поворот произошел бы в последние секунды³.

И третий: людям удалось удержать этот подъем. В прошлые эпохи рост был кратковременным, теперь же он оказался и значительным, и устойчивым, словно некая ранее скрытая таинственная производительная сила наконец высвободилась⁴. Именно это делает современный экономический рост беспрецедентным явлением.

Первая половина книги посвящена этой необычной истории: почему роста так долго не было, почему он начался и как смог сохраниться. В XX веке стремление к росту стало одной из главных общих целей человечества. И несмотря на то, что его истинные причины до конца не ясны, долгое время нам удавалось достигать заметных успехов.

Растущее благосостояние позволило добиться выдающихся результатов: миллиарды людей вышли из состояния вечной борьбы за выживание; продолжительность и качество жизни выросли; открытия, оплаченные этим процветанием, изменили наше понимание мира — от расщепления атома до расшифровки генетического кода и полетов к звездам.

Но все очевиднее становится и обратная сторона этой гонки за процветанием — разрушение природы, исчезновение локальных культур, рост чудовищного неравенства между теми, кто получил богатство, и теми, кто остался за бортом. Технологии, созданные на волне роста, стали представлять угрозу самому нашему труду и политической стабильности.

Поэтому сегодня рост ставит нас перед дилеммой. С одной стороны, он связан с величайшими достижениями человечества, с другой — стал причиной многих его бед. Его обещание манит нас вперед, но цена заставляет отступить. Мы словно не можем продолжать, но не можем и остановиться.

Вторая часть книги исследует эту дилемму: как она возникла, почему мы так долго ее игнорировали и как на нее можно ответить. Автор считает, что столкновение с проблемой роста — одна из важнейших задач нашего времени. Пока мы отворачиваемся, мир идет по опасному пути. Принять вызов всерьез — значит не только изменить направление движения, но и обрести моральное обновление, создать новое чувство коллективной цели — не ради большего ВВП, а ради подлинно значимых целей: справедливости, здоровья планеты, человеческого достоинства.

Эта книга рассказывает полную историю роста — его загадочное прошлое, тревожное настоящее и неопределенное будущее, которое нам предстоит сформировать. Это история идей: о том, как величайшие умы пытались (зачастую безуспешно) понять этот феномен, как лидеры случайно сделали его центром нашей политической жизни всего несколько десятилетий назад, и как он превратился из средства в самоцель. В книге поднимаются вопросы, выходящие за рамки экономики: почему жизнь человека веками оставалась столь жалкой, может ли благосостояние расти вечно, что действительно имеет ценность в обществе и обязаны ли мы думать о тех, кто еще не родился.

Однако это не только размышление, но и практическое руководство — ответ на вопрос о том, как реагировать на вызовы роста в реальном мире. Хотя повествование в этой книге охватывает тысячелетия, его главный урок касается настоящего.

Нынешняя срочность

Трудно вспомнить время, когда лозунг «Больше роста!» казался бы столь необходимым. В конце XX века лидеры верили, что все под контролем: постоянный рост благосостояния представлялся естественной целью. Американские экономисты говорили о «великой умеренности», британские политики — о «конце

циклов бумов и спадов». Сама мысль о том, что устойчивый рост можно обеспечивать с помощью умеренных вмешательств, воспринималась как данность. Наши очевидные успехи создавали впечатление, что расширяющаяся экономика — это норма, а любое замедление следует считать досадным, но временным сбоем.

Сегодня эта уверенность кажется глубоко ошибочной. Почти все страны вступили в XXI век с замедлением. Япония и Германия забуксовали в середине 1990-х, США и Великобритания — в 2000-х, Китай — в 2010-х. Два десятилетия коллапсов — от краха доткомов и финансового кризиса 2007–2008 годов до пандемии COVID-19 — превратили когда-то динамичные экономики в бледные тени самих себя. Становится все очевиднее, что рост нельзя воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Политические лидеры провозглашают лозунг «Больше роста!», но часто сами не понимают, как этого достичь. Одна из задач данной книги — попытаться внести ясность.

И все же дело не только в этом. Никогда прежде стремление к «еще большему росту» не казалось столь опасным. Конечно, об угрозах, которые оно несет, — разрушении климата, кризисе сообществ, росте неравенства, утрате качественных рабочих мест, падении уровня политики, — известно уже давно. Но во второй половине XX века их оставили без внимания, и в начале следующего столетия они проявились с новой силой. Неудивительно, что на подъеме оказались радикальные движения — от левых «дегроусеров»^{*} до правых популистов. Центр же оказался ослаблен.

Историки любят искать в прошлом ответы, но для дилеммы роста прецедентов нет. Наш мир уникален: почти всю историю жизнь стояла на месте, а рост был редким исключением. Сегодня человечество впервые должно выбирать между бесконечным увеличением благосостояния и другими ценностями, которые делают жизнь достойной.

Психологи говорят о когнитивном диссонансе — внутреннем конфликте между противоречивыми убеждениями. Похожее переживает и общество: рост обещает чудеса и несет разрушение; он нужен нам больше, чем когда-либо, и в то же время его должно быть меньше. Эта задача не только новая, но и дезориентирующая.

^{*} Дегроусер — сторонник движения за отказ от экономического роста как главной цели общества. В дальнейшем этому посвящена глава книги (прим. ред.).

Основания для оптимизма

Неизбежно, что книга такого рода прибегает к упрощениям. Огромные пласты мысли приходится сводить к нескольким страницам. Тем, кто ждет подробного разбора каждой проблемы — от климата и неравенства до глобализации и искусственного интеллекта, — достанется разочарование. Я также не буду представлять исчерпывающие перечни политических мер, тщательно подогнанных под каждую конкретную проблему. Таких книг достаточно. Моя цель иная: объединить эти вызовы и рассмотреть с новой точки зрения. Они различны, но связаны одной нитью — идеей роста и тем, как она заслонила от нас все остальное.

Я надеюсь, что такой взгляд поможет увидеть привычные проблемы по-новому, глубже понять их причины и нашу неспособность с ними справиться. Он призывает к открытости — особенно тех, кто по привычке держится за старые подходы. Очевидно, что они больше не работают, а время уходит.

В XX веке человечество сбилось с курса. После катастроф первой половины столетия страны переключились на погоню за процветанием. Не было ни одного решающего момента, когда бы рост официально стал главной целью, а ВВП официально признали «статистикой, отменяющей все остальные»⁵, но постепенно именно это и произошло. Политика сосредоточилась на увеличении экономического пирога. Судьба лидеров зависела от того, насколько они преуспели в этом. Главным спором века стала дискуссия о средствах: свободный рынок или централизованное планирование?

Да, существовали и другие цели, но их слишком часто отодвигали в сторону. Либо верили, что материальное процветание все решит, либо просто не считали их приоритетными. Это бездействие ослабило общество. Мы десятилетиями недооценивали угрозу изменения климата, рост неравенства, последствия глобализации, риски новых технологий. Мы не вступили в разговор о неизбежных компромиссах, которых требовал бы серьезный ответ на эти вызовы. Я считаю, что историческая неспособность принять такие компромиссы — и мечтательность лидеров, действовавших, словно мы можем всегда получать все, что захотим, за малую цену, — и есть причина, по которой мы сегодня так остро чувствуем напряжение между обещанием роста и его ценой.

Есть нечто странное в этой бесконечной гонке за процветанием. Как работник, увязший в «крысиных бегах» за все большей зарплатой, пока сама жизнь ускользает, наши общества тоже потеряли из виду смысл своих усилий. «Цель оправдывает средства, — писала Урсула Ле Гуин. — Но что, если ее нет? Все, чем мы располагаем, — только средства». Эти слова точно описывают

последние десятилетия: экономический рост, задуманный как средство, стал самоцелью. И хотя он принес богатство, цена оказалась слишком высокой.

И тем не менее, размышляя о будущем, я полон надежды. Мы живем в эпоху тревог, когда новости ежедневно приносят рассказы о новых экзистенциальных рисках и нашей неспособности их преодолеть. И вместе с тем перед нами не только угроза, но и возможность. Рост может стать поводом для морального обновления, для возвращения внимания к подлинно ценным целям, которые мы склонны упускать. И осуществить это мы можем с позиции силы, заглядывая в будущее, более процветающее и технологически оснащенное, чем когда-либо за 300 000 лет истории человечества. У нас есть возможность в ближайшие десятилетия не просто «сделать жизнь по-настоящему хорошей», как говорил философ Дерек Парфит, но даже лучше, чем мы способны представить. На мой взгляд, нет ничего важнее, и именно этому посвящена моя книга.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

Ловушка

До XVIII века человечество не питало
ложных надежд.

Джон Мейнард Кейнс

Трудно представить, что у охотника-собирателя каменного века много общего с человеком XVIII столетия. Почти все аспекты их жизни были совершенно разными: устройство семьи и общины, пища и одежда, способы добывания пропитания и даже формы досуга. Но в одном отношении их существование было поразительно схожим: оба, скорее всего, вели застойную экономическую жизнь, застряв в беспощадной борьбе за выживание. Более того, некоторые исследователи утверждают, что рядовой человек в 1800 году жил не лучше, а, возможно, даже хуже, чем его предок 100 000 лет назад¹. Речь, конечно, не о количестве денег в кармане — ведь первая валюта, месопотамский шекель, появилась всего около 5000 лет назад, — а о реальных жизненных стандартах, которые, вероятно, были еще ниже.

Эта мысль кажется невероятной. Между теми эпохами прошли тысячелетия, вместившие почти всю человеческую историю. Шли и выигрывались войны, поднимались и рушились цивилизации, расцветали и исчезали культуры. Но с экономической точки зрения это почти ничего не изменило: жизнь среднестатистического человека оставалась прежней. Родившись в любой момент этого огромного периода, вы, скорее всего, провели бы жизнь, добывая самое необходимое для выживания. Надежда, которая сегодня придает смысл труду, — вера в то, что настойчивость и усилия помогут жить лучше, чем родители и предки, — показалась бы тогда нелепой, если бы вообще могла прийти в голову.

Такие поразительные утверждения требуют не менее убедительных доказательств. Проблема в том, что достоверные сведения о далеком прошлом чрезвычайно редки. Однако добыть их возможно. Ученым удастся воссоздать картину экономической жизни за этот огромный период, опираясь на разнородные источники.

И эта картина дает весомые основания говорить о «долгой стагнации» — десятках тысяч лет, в течение которых уровень жизни почти не менялся.

Последние 2000 лет

Удобно начать с Англии. На протяжении последнего тысячелетия ее институты — государство, церковь и монастыри, колледжи и благотворительные организации — отличались удивительной устойчивостью, а записи велись особенно добросовестно. Это позволило экономисту-историку Грегори Кларку проследить уровень жизни англичан вплоть до 1209 года, рассчитав их реальные заработки, а не просто номинальный доход². Такой расчет учитывает изменение цен во времени и показывает, что на самом деле можно было купить на ту или иную зарплату. И когда мы смотрим на то, как менялась эта реальная зарплата на протяжении веков, мы видим форму «клюшки для хоккея»: длинный, в основном ровный отрезок без заметной динамики (ручка клюшки), и лишь затем — взрывной рывок вверх после 1800 года (лезвие клюшки).

Шесть веков полнились революционными событиями — появление печатного станка в XV веке и вызванный им взрыв грамотности, английская Реформация в XVI веке и жестокий религиозный раскол, «Славная революция» XVII века и новое понимание государства — но экономическая жизнь оставалась практически неизменной. Как показывает рисунок 1.1, уровень жизни англичанина, измеренный его реальной зарплатой, в 1809 году не был выше, чем в 1209-м.

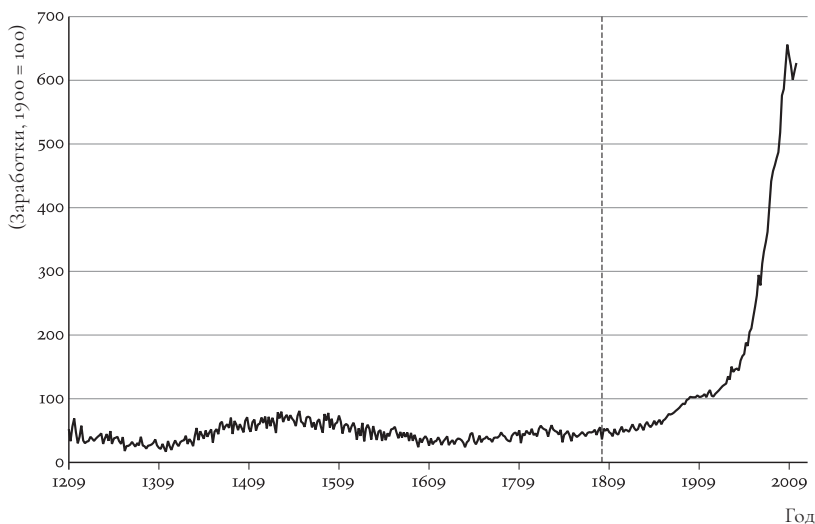

Рис. 1.1. Зарботки в Англии, 1209–2009 гг.³

Но насколько низким был уровень жизни в то время? Экономическая реальность, возможно, оставалась неподвижной, но действительно ли люди существовали на уровне прожиточного минимума? Этот вопрос вызывает существенные разногласия у экономических историков. Отчасти они связаны с тем, что само понятие «прожиточный минимум» толкуется по-разному. Если под ним понимать состояние, близкое к голоду, то это вряд ли точно описывает ситуацию в Англии. Исследователь Грегори Кларк показывает, что, хотя английские рабочие тратили около трех четвертей доходов на еду и питье — огромная доля, означающая жизнь «от зарплаты до зарплаты», — часть этих расходов приходилась на относительные излишества: мясо, молоко, масло, пиво. «Совсем бедные люди, — отмечает Кларк, — таких товаров не покупают»⁴. Однако если под прожиточным минимумом понимать просто крайне скромное материальное существование, то это определение как раз хорошо отражает жизнь в Англии тех веков. Как бы то ни было, если расширить взгляд на весь мир, то спор о точном значении этого термина теряет смысл: большинство людей тогда проживало не в Англии, а в гораздо более тяжелых экономических условиях.

Чтобы оценить масштаб этой мрачной картины, обратимся к работам экономического историка Роберта Аллена. Он рассчитал годовой доход рабочих в разных частях света по отношению к стоимости стандартной «скудной диеты» в каждом конкретном городе — от овсяной каши в северо-западной Европе до пшеничных лепешек в Дели. Эти «коэффициенты выживания» показывают уровень экономического благополучия в данном месте: значение, равное единице, означало, что люди могли лишь с трудом позволить себе такую диету⁵. На рис. 1.2 представлены рассчитанные Алленом показатели для нескольких городов.

График показывает, что до 1800 года глобальные тенденции были схожи с английскими, представленными на рис. 1.1: наблюдаются периоды подъема и спада уровня жизни, но общего восходящего тренда нет. Более того, если и виден какой-то общий сдвиг, то, скорее, снижение уровня жизни после краткого роста в XIV веке, последовавшего за Черной смертью*. Эти данные также показывают, что жители городов вроде Лондона и Амстердама могли избежать голода, тогда как в других регионах — в Европе, Индии и Китае — люди жили в куда более тяжелых условиях. Иными словами, на фоне всеобщей бедности редкие очаги относительного благополучия терялись, словно островки в океане нищеты.

* «Черная смерть» — вторая в истории пандемия чумы (1346–1353 гг.), ставшая самой масштабной катастрофой в Европе, которая унесла от 30% до 60% населения (десятки миллионов человек).

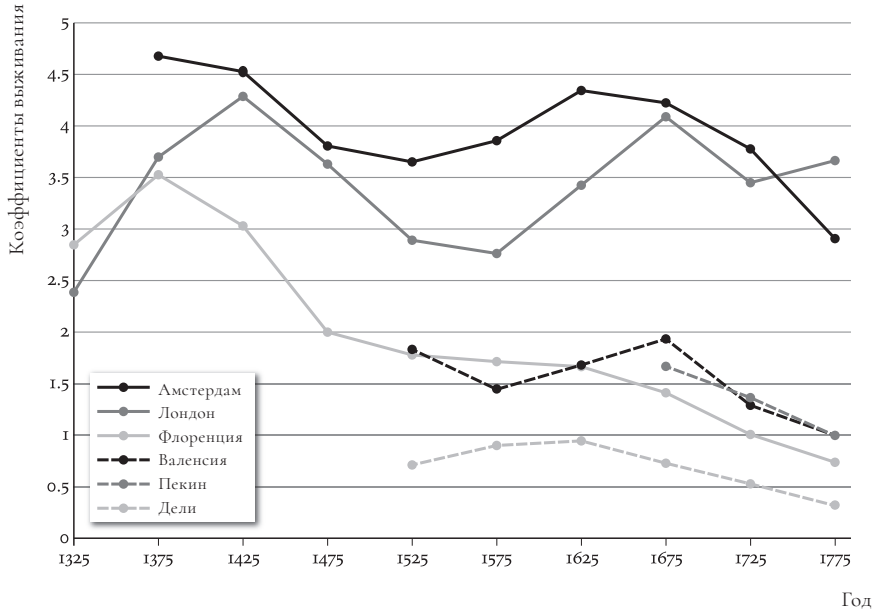

Рис. 1.2. Коэффициенты выживания для рабочих до 1800 года⁶

Посмотреть на эту картину можно и по-другому — через динамику мирового ВВП на душу населения с 1 года н.э., рассчитанную экономистом Ангусом Мэддисоном (рис. 1.3). Эти данные показывают, что вплоть до 1800 года средний человек существовал на уровне, эквивалентном нескольким современным долларам в день. График похож на рис. 1.1 по форме, но рассказывает историю гораздо большего масштаба: охватывает весь мир и уходит значительно глубже в прошлое.

Следует, однако, отметить, что цифры на рис. 1.3 вызывают споры. Во-первых, их надежность ограничена: не располагая объемом источников, доступным исследователям Англии, Мэддисон — по его собственным словам, «любитель чисел», — прибегал к творческим методам подсчета. Более осторожные коллеги называли его оценки «обоснованными предположениями», а критики — «фикциями, столь же подлинными, как реликвии, продававшиеся в Средние века по всей Европе»⁷. Кроме того, даже если эти цифры верны, среди историков не утихают споры о том, что именно они говорят о природе долгой стагнации⁸.

Присмотревшись к графику, можно заметить, что мировой ВВП на душу населения действительно слабо растет в период с 1000 по 1800 годы, главным образом за счет Западной Европы. Если этот рост реален, он, по-видимому, ставит под сомнение саму идею долгой стагнации и утверждение о том, что человек 1800 года жил не лучше, чем его далекие предки⁹.

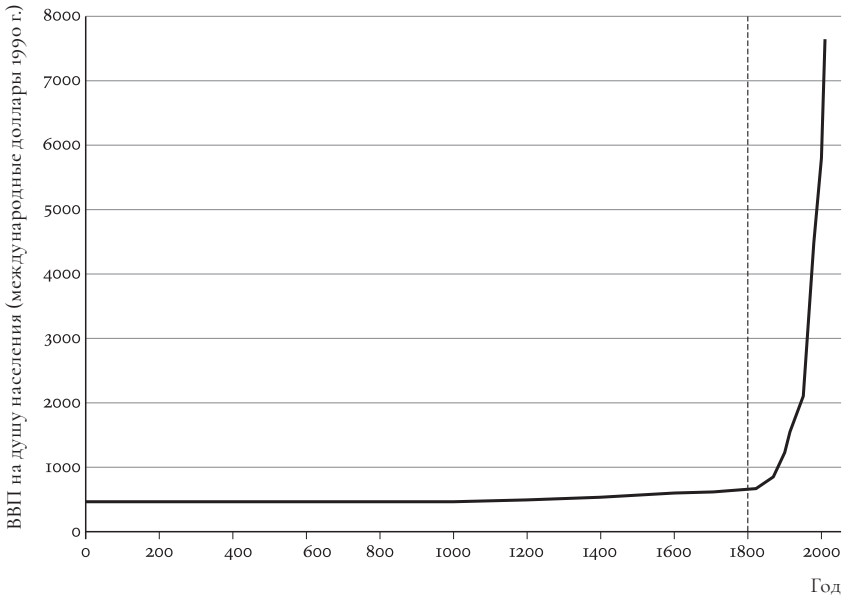

Рис. 1.3. Глобальный ВВП на душу населения, 1–2008 гг. н. э.¹⁰.

Как относиться к этим спорам? Подобно обсуждению смысла понятия «прожиточный минимум», вопросы о точной степени стагнации занимательны, но остаются лишь примечанием к гораздо более важной истории: что же произошло около 1800 года? В конце концов, главное, что бросается в глаза на рис. 1.3, — это не незначительные колебания предыдущих веков, а резкий скачок, произошедший после. Рост на уровне 0,05% в год до XIX века — если он вообще был — куда менее поразителен, чем последовавшие 2–3% ежегодного увеличения.

Экономические показатели — зарплаты рабочих, коэффициенты выживания, ВВП на душу населения — дают общее представление о долгой стагнации. Но, как видим, эта картина остается неполной. Поэтому исследователи обратились к биологическим данным за дополнительными сведениями. Классическим индикатором здесь служит ожидаемая продолжительность жизни: если уровень жизни растет, значит, и люди должны жить дольше. На рис. 1.4 показана динамика ожидаемой продолжительности жизни в Великобритании с начала XVI века. График снова напоминает форму клюшки: резкий рост после 1800 года. Кажется, именно тогда произошло нечто по-настоящему беспрецедентное. (Два заметных провала до 1800 года связаны со вспышками бубонной чумы и оспы.)

Еще один способ заглянуть в прошлое — изучить рост людей по размерам их скелетов. Логика та же: более высокий уровень жизни должен вести не только

к ее большей продолжительности, но и к лучшему физическому развитию¹¹. На рис. 1.5 показан средний рост людей в разных регионах мира с III по XX вв. И здесь наблюдается та же закономерность: на протяжении веков почти полное отсутствие изменений, за которым следует резкий подъем после 1800 года.

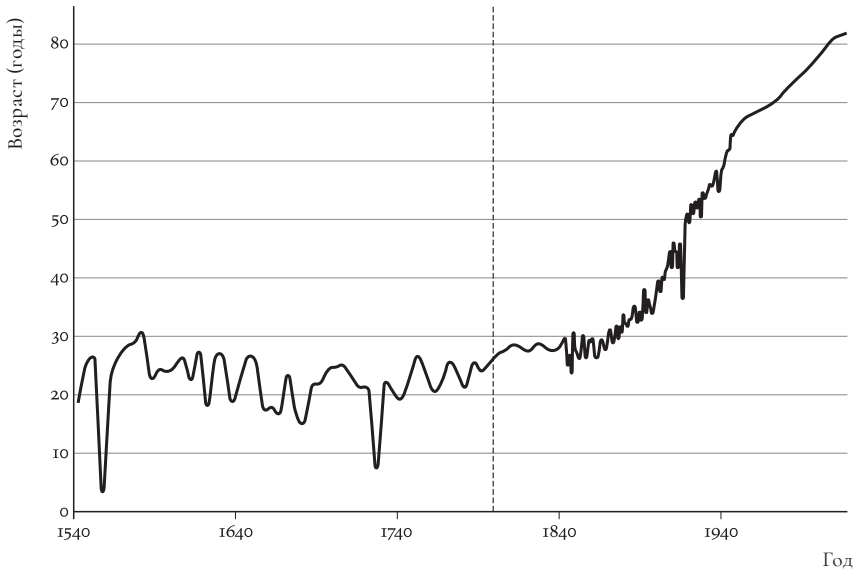

Рис. 1.4. Ожидаемая продолжительность жизни в Великобритании с 1543 г.¹²

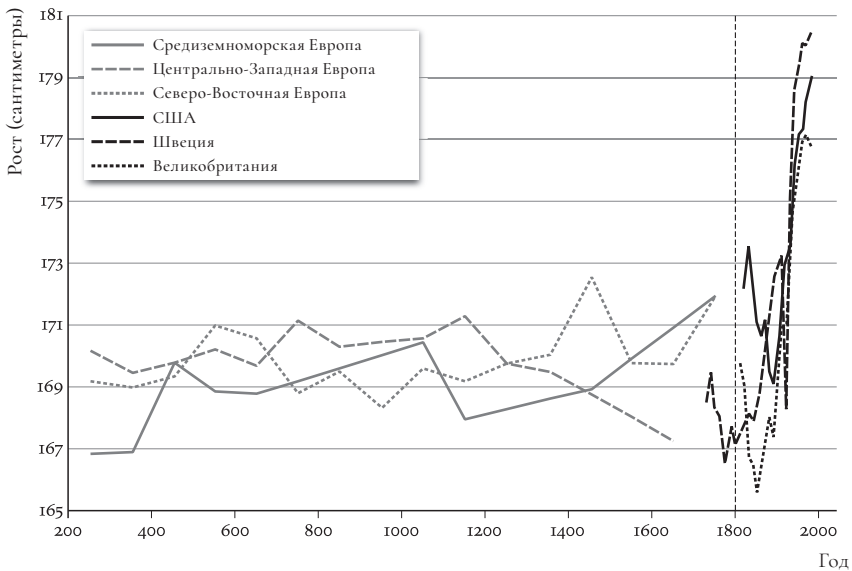

Рис. 1.5. Средний рост человека с III по XX в.¹³